научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования
https://stnb.petrsu.ru **http://petrsu.ru**

УДК 82

ЗАПРЕЩЕННЫЙ БРАК И ЛЮБОВНАЯ БОЛЕЗНЬ

ЯМАГУТИ РЁКО

доктор филологических наук,
преподаватель,
Университет Досися, факультет глобальных и региональных исследований,
Киото, Япония, cjv52910@icloud.com

Ключевые слова:
Тургенев
любовная болезнь
тоска
саги
Тристан и Изольда

Аннотация:
Статья посвящена влиянию европейской поэзии трубадуров и эпоса о Тристане и Изольде на повесть И. С. Тургенева «Песнь торжествующей любви» (1881). Анализируя любовь главного героя, автор статьи делает вывод, что писатель использовал фольклорную концепцию «любовной тоски» в теме запрещенного брака. Любовная болезнь описывается по образцу саг скальдической поэзии. Желание, вызванное злой магией, и изображение настоящей любви в европейской придворной поэзии совмещаются в литературном явлении с эротическим страданием.

© 2024 Петрозаводский государственный университет

Получена: 26 августа 2024 года Опубликована: 29 сентября 2024 года

«Песнь торжествующей любви» И. С. Тургенева была впервые опубликована в 1881 году. Она относится к позднему периоду его творчества. В предыдущей статье мы анализировали эту повесть с точки зрения героини, и там видно отражение русского фольклора, особенно русских любовных заговоров. Рассматривая любовь главного героя, можно сказать, что Тургенев пытался изобразить неправедную любовь в такой же форме, как она изображена в средневековом рыцарском романе «Тристан и Изольда». В этой статье мы рассмотрим сущность произведений про любовь с точки зрения героя – Муция. «Песнь торжествующей любви» имеет вид фрагмента стариной итальянской рукописи, действие ее происходит в середине XVI века. Двое талантливых юношей – друзья Фабий и Муций – жили в одном городе. Однажды оба влюбились в одну и ту же девицу, которая вела уединенный образ жизни. Они попросили ее руки, а девица предоставила выбор своей матери. Мать выбрала Фабия, и Муций, согласно уговору, покинул город. Муций играет очень важную роль в этой повести. Он напоминает фольклорного жениха-мертвеца, хотя место действия повести – старинная Италия. Во всей повести видны следы «любовной болезни».

Сначала рассмотрим понятие «любовная болезнь». Даниэль Савборг пишет:

«Love-sickness is, as an analytic notion, not simply pain caused by unrequited love or other external unhappy circumstances in connection with love. I rather follow the use of the concept in its use in learned medieval literature. The 13th-century pathologist Bernardus Gordonius defined it as ‘a sickness which is a melancholic grief because of love to a woman’ and the 12th-century love theorist Andreas Capellanus defined love as a ‘certain inbornsuffering derived from the sight of and excessive meditation upon the beauty of the opposite sex.’On the basis of such descriptions and definitions (other examples are found in works by e.g. Galenos, Paulos of Aigina, and Constantinus Africanus), I have in a another work defined love-sickness as suffering caused by the emotional power of love itself» [11: 177].

В романе «Тристан и Изольда» Тристан ищет своему лорду, Марку, невесту и привозит Изольду.

Но в пути они с нею выпивают по ошибке любовный напиток, который ей дала мать для обеспечения прочной любви дочери и ее будущего мужа. Таким образом между ними начиналась трагическая любовь из-за магии. В повести Тургенева также появляется мотив любви как результата действия любовной магии. Это можно показать на примере героини:

«Валерия не скоро заснула; кровь ее тихо и томно волновалась, и в голове слегка звенело… от странного того вина, как она полагала, а может быть, и от рассказов Муция, от игры его на скрипке…» (Тургенев: 227).

Таким образом, «любовная болезнь» является некой роковой любовью, которой невозможно противостоять и будущее которой непредсказуемо. Конечно, едва ли страждущему нужна была сама любовь. Такая сильная любовь вдали от мира и отличается от любви, которую мы обычно знаем. Любовь всегда имеет большую силу для людей, так как обеспечивает продолжение рода, или от любви человек стремится к Богу. Но «любовная болезнь» имеет совсем другую силу и чудовищное влияние на человека, на человеческую жизнь. Можно сказать, что это любовная страсть. Страсть – инстинктивный уровень для человека, так что голос разума не управляет человеком, как будто им владеет магия. Часто страсть подталкивает человека к разрушению его жизни. Даниэль Савборг пишет:

«Eroticism and suffering are indeed connected, but at least partly in other ways. The similarities with genuine love-sickness are, however, so strong that the distinction between these cases and the ones presented above is sometimes obscure» [12: 182].

Герой повести не мучается из-за страсти, в отличие от героини. Говоря о «любовной тоске», мы прежде всего вспоминаем о проклятых женщинах в любовных заговорах. Известный русский фольклорист Андрей Топорков пишет о них так: «Любовная страсть насылается в заговорах как некая сверхчеловеческая сила, несущая другому человеку зло и разрушение» [15: 113]. Топорков в своих работах перечисляет те мотивы греческих любовных заговоров, которые имеют близкие параллели в русской традиции. Описания проклятых женщин очень похожи на описания женщин, тоскующих из-за любви. О тоске, порожденной заговором, создано много литературных произведений. Со временем в русской литературе появилось такое понятие как «любовная тоска».

Даниэль Савборг так пишет о симптоме любовной тоски :

«The symptoms and expressions of love-sickness are always connected with pain and suffering, such as sleeplessness, depressed thoughts, loss of appetite, neglect of one’s duties, and, if the sickness is not correctly treated, madness and death. The same or similar symptoms are found also in the poetic treatment of the phenomenon in high-medieval literature, where love-sickness has a key role in the depiction of love in both courtly romances and lyrical poetry» [12: 178].

О тоске пишут многие исследователи, подчеркивая, что она является одной из черт русского народного характера, о ней создано много русских литературных произведений. Любовный заговор никогда не был направлен на того человека, с кем невозможно заключить брак. Рукописные любовные заговоры XVII–XVIII веков вообще, как правило, созданы от имени мужчины. Он снимает из своего тела любовную тоску и пускает ее на женщину:

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, аминь. На море на окиане, на острове на Буяне, на реке Иордане, стояла гробница, в той гробнице лежала девица. Раба Божия (имя рек)! Встань, пробудись, в цветно платье нарядись, бери кремень и огниво, зажигай свое сердце ретиво по рабе Божием (имя рек), и так зажигай крепко и дайся по рабе Божием (имя рек) в тоску, в печаль, как удавшему ”удавленнику” в петле, так бы рабе Божией (имя рек) было бы тошно по рабе Божием (имя рек)» [9: 248–249].

Основной целью любовных заговоров является желание, чтобы влюбленная мучилась из-за любви к мужчине. То есть любовные заговоры были желанием противостоять безумной привлекательности женщины, как будто талисман. Даниэль Савборг пишет:

«In the Icelandic sagas with a Norse setting, we also have some instances which describe, or might describe, love-sickness. One well-known case is found in Egils saga Skallagrímssonar, and this instance has also been described in research as a courtly influence» (Bjarni Einarsson claims that the description of Egill’s love-sickness is modelled on the other skald sagas (1975, p. 25), to which Bjarni ascribe an influence from European troubadour poetry and Tristan epics (e.g. 1976, p. 115). [11: 15];

«The formula type consists of the statement that ‘the woman causes the man grief’, which here functions

as a poetic expression for ‘the man loves the woman’. It is typical for the formula type that it is love itself which is described as grief; The grief does in this formula type function as a synonym for love» [12: 180].

Но он дальше пишет, что женщина, в которую влюбляется герой в сагах, использует эротику как инструмент для преодоления влияния мужчины, и цель магии – причинить ему вред и заставить его страдать [12: 195]. В сагах женщины тоже наводят любовную тоску на мужчин, но там они гораздо сильнее мужчин. Женщина изображается даже демонической:

«The presence of magic and of a demonic woman are important elements for the interpretation of the episode. At these points we have parallels in two other Norse texts which were discussed above, Selkollu þáttr and Jóns saga helga. [9; 193]».; In Snæfríðr’s case, too, magic is involved when the woman gets the power over the man, and Snæfríðr, too, is a witch or full of demonic powers. Exactly as the demon woman in Jóns saga helga, Snæfríðr causes the man to neglect his normal activities and to isolate from the company of other men» [12: 193].

В сагах женская сила заставляет мужчину быть одиноким. Такое насильственное расставание с коллективом из-за любовной тоски часто описывается в русских произведениях. Но это обычно связано со свадебной темой. В русских свадьбах можно нередко отметить мотив нарушения родительского запрета. Он часто связан с символической смертью. Например, в сказках с сюжетом о женихе-демоне невеста хочет выйти замуж за жениха, браку с которым родители противятся. Он оказывается мертвецом, который забрал невесту в могилу. Этот мотив прослеживается в АТУ 365, СУС 365 (Жених-мертвец).

После анализа мы представим гипотезу в другой своей статье, в которой покажем, что нарушение родительского запрета тесно связано с любовными заговорами так же, как сюжет о девице в могиле.

В повести «Песнь торжествующей любви» Муций тоже играл на скрипке и пел о любви:

Месяц стал, как круглый щит.
Как змея, река блестит…
Друг проснулся, недруг спит –
Ястреб курочку когтит…
Помогай! (Тургенев: 233)

Эта песня очень похожа на любовный заговор. Сравним: «по мне, по рабе Божии имярек, в день при солнце, в ночь при месяцы, по всякой день, по всякой час, по всякое время, месяца ветха и полна и перекроя» [13: 489–490, № 28], [15: 115], т. е. «днем, когда солнце светит, ночью, когда месяц светит». Месяц часто появляется в любовных заговорах и свадебном фольклоре. Сравните:

Светел месяц – это суженый твой,
Красна солнушка – это ты сама,
Часты звезды – это свадьба твоя.
(Калужск., Таруса – Ока) [10: 335].

Последний пример – слова матери, которая ясно сказала, что девушке предстоит замужество. Примечательна фраза «Светел месяц – это суженый твой», то есть здесь месяц означает жениха. В заговоре, записанном в городе Пинеге, имярек обращается к месяцу:

«…Думала б об нем не задумала, спала б не заспала, ела бы не заела, пила б не запила и не боялась бы ничего, чтоб он ей казался милее свету белого, милее солнца пресветлого, милее луны прекрасной, милее всех, и даже милее сна своего во всякое на молоду, под полне, на перекрое и на исходе месяца» [9: 247].

Таким образом, в заговорах месяц изменяет свой образ – он то новый, то полный. Нам кажется, что месяц здесь является единицей измерения времени [4: 118]. То есть в течение этого времени мертвый жених похищает невесту и уносит в свой мир.

Слово «помогай» в песне Муция похоже на выражение «Кто бы мине пособил!» в следующем любовном заговоре:

«В чистом поле стоит баня, в этой бане пылает пламе от земли до небес. За этем пламем лежит тоска тоскушшая, сухота сухотушшая, бьет рука об руку, нога об ногу и кричит безжизненным голосом: Кто бы мине пособил! Кто бы миня воротил!» [13:12 нач. 20 в.], [15: 173].

В запрещенной любви Тристана и Изольды конфликт между личным чувством любящих и

общественно-моральными нормами отражает глубокие противоречия, в запрещенной любви Варелии и Муция тоже обрисованы в резко отрицательных тонах все герои, кто хочет помешать их счастью.

Таким образом «любовная тоска» или «любовная болезнь» часто связаны с проблемой запрещенного брака. Особенно в русской патриархальной семье жених считался настоящим мужиком только после брака. Брак с женщиной для мужчин являлся основным требованием чтобы получить мужскую власть. В XVII веке – в период Смутного времени – система брака изменялась для старообрядцев на Русском Севере [16: 238–251]. Это совпадает с географическими особенностями распространения любовных заговоров. Топорков пишет так :

«При составлении корпуса текстов XIX в. особое внимание было уделено севернорусским территориям (Олонецкой и Архангельской губ.), поскольку именно оттуда происходит большое количество текстов XVII–XVIII вв. Этим объясняется, в частности, использование ряда текстов, опубликованных в “Олонецких губернских ведомостях” во второй половине XIX в.» [15: 117].

А скандинавские «любовная тоска» или «любовная болезнь» в сагах тоже связаны с проблемой брака :

«The episode should be seen as yet another instance of the native Norse tradition of love-sickness. In the fornaldarsögur there is a similar episode in Fripjófs saga. Hann var nú fámálugr ("he was now taciturn"), the saga once says about the protagonist, and when his foster brother Bjorn asks him of the reason for his sadness he responds: Kvánfanger mér ihug ("I think about getting a wife").» [11: 390].

Конечно, нельзя отрицать возможность того, что обе культуры были совмещены когда-то:

«После ухода шведов из Новгорода в 1617 году по условиям Столбовского мира новая граница должна была отмежевать в пользу Швеции уступленные ей земли Невы и Корельского уезда. Но шведы захотели, в нарушение мирных статей, выйти новой границей к северо-западному берегу Белого моря; после двух войны мир принес Олонецкому уезду не только избавление от опасности новых вторжений, но и способствовал окончательной этнической консолидации карел-ливвиков и карел-людиков» [3: 77–83].

А к концу XIX – началу XX века на фоне подьема этнического самосознания на территории Русского Севера происходит заметная карелизация местной культуры. Ее расцвет связан не только с возрождением собственно карельских элементов, но и с интерпретацией русских влияний в духе местных традиций, в первую очередь – в зодчестве, что свидетельствует не об этнической изоляции или, напротив, ассимиляции, а о взаимобогащении культуры соседствующих народов [3: 7].

Унелма Конкка упоминала о концепции самых сильных знахарях Лаппи (Лапландии) [5: 47] и Александр Пашков пишет, что «У карел-людиков Лаппи означало ‘северные области за пределами собственной территории’, так что лаппалайнен могло означать собственно карел или лопаря» [8: 223]. В переводе «Поэзии печали» (на японском языке «Поэзия печали Туонелы», 2014 [6: 82]) в сноске мы упоминаем, что русские считают, что знахари Карелии сильнее, чем русские, потому что есть такая вера, что люди, живущие на границе, обладают более сильными магическими способностями. Еще мы отмечаем, что правителем легендарной земли «Похёла» (далекая суровая страна в карельских эпических песнях – рунах – и в поэме «Калевала») является могущественная ведьма Лоухи. Таким образом, далекая суровая страна на севере – символическая земля, где живут колдуны, которые обладают некой сильной магией, в том числе любовной магией.

После несчастной любви герой Муций странствовал по востоку и узнал секрет таинственной восточной магии. А мы предположили, что это не означает именно «восток». Савброг пишет, что:

«Both the theme of love for a woman and the theme of martial deeds were prestigious for the poets in Old Norse tradition when they talked about themselves. Kings, skalds and warriors boast about their love-sickness in Old Norse poetry; Love-sickness is as prestigious in Old Norse tradition as in courtly culture of Europe» [11: 387].

Русская лирическая поэзия традиционно была разделена на две части: о любви и семье, где многие из произведений были посвящены жизни замужних женщин, и романтическая лирическая поэзия, изображающая внутренние страдания из-за любви, которая долгое время не укоренялась в России по сравнению с Западной Европой. Однако среди фольклорных произведений чувство «тоски» в основном помещено в магию любви. На мой взгляд, в повести Тургенева «восток» означает иной мир, и путешествие Муция туда сходно не только с боевой песней в сагах, но и с повествованием о мертвом

женихе в русском свадебном фольклоре. Топорков пишет:

«Российские материалы XVII–XVIII веков о людях, которые пытались продать свою душу Сатане и заключить с ним договор, весьма немногочисленны. Тем не менее они позволяют установить, что в России формула отвержения от мира подверглась своеобразной модификации» [15: 142].

Здесь главная ключевая тема – «отвержение от мира». Герой отрекался от мира, и у него не было места в жизни. Если однажды любовная тоска овладела человеком, то он никак не может от нее избавиться. Но герой преодолел тоску – стремление к любви – используя магию.

С точки зрения концепции «тургеневской девушки», героиня повести Валерия сохраняла обаяние девичества даже после брака с Фабием – до того, как она встретились с Муцием во второй раз. Она еще не стала матерью и сохраняла некую чистоту и в психике, и в физиологии. Но после тайной встречи описание передает некое воздействие на героиню магических сил. Валерия меняется и физически, и духовно, она словно преображается в некую демоническую красивую женщину, которая имеет влияние на мужчин, как будто вампир или ведьма. Вампир – это покойник, умерший неестественной или преждевременной смертью, возможно – самоубийца [7: 512].

Энтузиазм и слишком большую эмоциональность женщин часто негативно описывают в русской литературе, как будто это вампир или демоническое существо, которые хотят восполнения недостатка любви. В то же время с точки зрения другого героя, Фабия, Валерия является словно святой и чистой, даже ранимой женщиной. Портрет, на котором жених рисует ее в качестве модели в образе святой Цецилии – сама хвала ей. Как будто совмещается желание, вызванное злой магией, с изображением настоящей любви в европейской придворной поэзии. Савброг пишет, что литературное явление, связанное с эротическим страданием, очень продуктивно в скандинавском высоком Средневековье [12: 195].

Мы предложили гипотезу, что Тургенев описал любовную болезнь в своей повести, использовав традиции рыцарской поэзии, концепцию любовных заговоров и выражение образа демонической женщины (женщина, практикующая магию для привлечения мужчин) в народных культурах через тему запрещенного брака. Савборг пишет, что есть идея, связанная с любовной тоской в средневековых источниках. Она заключается в том, что любовная тоска поражает только людей благородных классов. Считается, что дворяне и герои имеют более богатую и разумную внутреннюю жизнь, и страдания являются следствием этого. Таким образом, любовная тоска рассматривалась как признак благородного характера [11: 376]. Но тема запрещенного брака часто видна тоже в народном фольклоре. А в русских свадебных фольклорных произведениях невеста пытается обмануть жениха и убежать от него, но всегда ее попытки заканчиваются безуспешно. Можно сказать, что по правилам обряда она должна быть схвачена женихом. Свадебный обряд является одним из переходных обрядов и его тема – новая жизнь после смерти. Относительно любви, которая не связана с браком, в этой концепции нет «новой жизни» невесты. Так что она демоническая, как будто неестественный покойник.

А. К. Байбурин пишет о тоске: «Тоска ассоциируется с утратой, точнее с осознанием невозможности восстановления утраченной связи» [2: 96]. В этой повести герой тоже ушел далеко от родного дома и нельзя было вернуться. Или он полюбит женщину, с которой невозможно соединиться. Байбурин так пишет о ситуации смерти: «1) в мире живых оказались представители мира мертвых, присутствие которых нужно постоянно учитывать; 2) среди живых образовалась пустота, взывания смертью близкого человека» [2: 99]. Можно сказать, что цель обрядов – заполнить пустоту, и «смерть» означает «недостаток». Так что вампир всегда чувствует недостаток, невыполнение, как будто голодный человек.

Раньше мы анализировали мотивы, связанные с темами жажды и голода в своей статье «Жизнь и смерть в любовных заговорах» [17]. Мотив «Пусть человек не может ни пить, ни есть без меня» в любовных заговорах – это очень сильное и жестокое желание. Тот, кто читает заговор, желает человеку, чтобы тот без него не мог ни есть, ни пить. Мы решили посмотреть, какие виды еды и питья могут появляться в этой формуле. Оказалось, что чаще всего встречается пара «хлеб-соль».

Хлеб символизирует полноту доли. Это символ взаимного обмена между людьми и Богом. «Обычно доля понимается как нечто данное человеку раз и навсегда», но «в течение жизни доля человека несколько раз меняется – и не только по Божьей воле, но и в связи с изменением возрастного статуса» [1; 77–78]. Можно сделать вывод, что отсутствие доли означает одиночество не только в материальном мире, но и душевном мире.

Таким образом, тоска означает, что герой не только лишается жизненных сил, но и оказывается вне социума. И отсутствие доли означает, что человек будет ближе к мертвому миру, как вампир.

Топорков пишет о связи между тоской и пустотой:

«По своему происхождению общееславянское *tъska, видимо, связано с и.-е. основной *tus-sk со значением ‘опорожнять, делать пустым, осушать’; к этой же основе восходят ‘тощий, тщета, тщательный’. Старшее значение слова *tъska ‘давление’, ‘теснота’, оттуда семантическое развитие: ‘ощущение беспомощности, подавленности’»[18: 240–241], [15: 155].

Таким образом, «тоска» часто связана с значением «пустоты», то есть «ненаполнение». Такое чувство ближе к одиночеству вне социума, например, потере статуса в социуме, потере защитника, именно сиротское состояние. В русской культуре «тоску» чувствуют люди, которые чувствуют отвержение от мира. Так что в русских любовных заговорах это чувство всегда связано с темой «запрещенного брака». Герой повести возлюбит женщину, с которой невозможно соединиться официально. Это означает, что он отрекался от мира, и у него нет места в жизни. Тоска возникает, когда человек мечтает возвратиться в место, куда возвратиться нельзя, жаждет встретиться с человеком, которого уже нельзя увидеть. Он переживает страх и гнев, жажду в сердце, подавленное мучение. Однажды тоска овладела человеком, и он никак не может от нее избавиться. Но такая тоска, стремление к любви, высокая чувствительность для русских людей в итоге переросли в искусство, стали преодолением тоски как болезни.

Сущность «любовной болезни» – это отделение от коллектива. Иногда ревность и зависть играют важную роль при расставании, потому что неимеющие любви хотят восполнить свой недостаток. Любовь – рождает новую жизнь, но если это невозможно, то человеку надо будет вместо этого создать другую новую жизнь для себя. Это тесно связывается с процессом творчества. Способность создания чего-то нового для русских людей связывается с чувством одиночества, и это не является простым чувством. Топорков пишет:

«В русских любовных заговорах две линии существования формулы перекасаются друг с другом: когда колдун отрекается от Христа и православного мира и когда, насылая любовную порчу, он требует, чтобы женщина покинула своих родственников» [15: 151].

То есть для русских самое жестокое состояние – отречение от Бога и от родителей. Это состояние потрясало сердце людей. Таким образом одиночество для русских укрепляется чувством вины и в то же время приносит способность выражения себя на самом высоком уровне. Потому что для особенного творения человеку необходима ранимая душа и психологический конфликт. Любовная болезнь означает скрытую возможность творения в искусстве.

ВЫВОДЫ

Для самого Тургенева встреча с женщиной имела большое влияние, изменившее ход его жизни. Неправедная любовь, художественно разработанная в средневековых рыцарских романах, повлияла на эту повесть. В то же время автор использовал концепцию «любовной тоски» из русского фольклора. Подобным образом и для Муция, который был отвергнут и которому не было места в этом мире, встреча с этим миром была возможна только силой магии. Но все-таки он уже навечно был мертвецом:

«Тогда малаец ступил шаг вперед и, высоко подняв брови и расширив до огромности глаза, качнул головою на Муция... и веки мертвеца затрепетали, неровно расклеились, и из- под них показались тусклые, как свинец, зеницы» (Тургенев: 242).

Муцию не удалась попытка похищения героини и перенос ее в свой мир. Он не сумел стать женихом, подобно персонажам русского фольклора. Он сам – вечно одинокий человек. Это решение судьбы, вот почему он использовал сильную магию. Фабий завершил портрет Валерии, но настоящий художник – Муций. Тургенев не дал оценку портрету Фабия. Автор мало писал о его влиянии. А песнь, которую Муция играл на скрипке, является ключом в повести. Рискуя своей жизнью, он сотворил неподражаемую песнь. Это приходило от сопротивления неизбежному очарованию влюбленной женщины.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Тургенев И. С. Песнь торжествующей любви // Тургенев И. С. Избранные произведения. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. С. 219–244. 384 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.Байбурин А.К. Обрядовое перераспределение доли у русских // Судьбы традиционной культуры. СПб.: РИИИ, 1998. С.78-82.

2.Байбурин А.К. Тоска и страх в контексте похоронной обрядности // Труды факультета этнологии. СПб.:Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, вып.1, 2001. — 343 с. С. 96-115.

3.История и культура Сямозерья / Под ред. В. П. Орфинского, И. Е. Гришиной, А. П. Конкка, И. И. Муллонен, В. Д. Рягоева. Петрозаводск: Издательство ПетрГу, 2008. С. 7. —816 с.

4.Карабулатова И.С., Бондарец Е.А. Заговор : имя собственное в сакральном дискурсе знахарской практики. Тюмень.: Институт гуманитарных исследований Тюменского государственного университета, 2005. —368 с.

5. Конкка У. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск. Российская Академия наук карельский научный центр институт языка, литературы и истории. 1992. —296 с.

6. Конкка У. Поэзия печали Туонелы (перевод « Поэзия печали» на японском языке) . Переводчик Ямагути Р. Гунзося, 2014. Т.1. —180с.

7. Левкиевская Е. Е. Вампир // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Москва: Международные отношения , 2011. С.60. —512 с.

8. Пашков А. Карельские просветители и краеведы XIX - начала XX века. Петрозаводск. 2010. Издательство ПетрГу, —446 с.

9. Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / собр. М. Забылиным. Кн.1.: Части 1, 2. М.: Терра, 1996. —с.320.

10.Русская свадьба: В 2-х т. Т. 1 / Под редакции А. С. Каргина. Составители А. В. Кулагина, А. Н. Иванов. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2000. —с. 512.

11.Савборг Даниел. «Женщина причиняет мне горе»// Germanisches Altertum und Europäisches Mittelalter. Геденк-группа для Генриха Бека. 2023. —559 p. 375-392p.

12.Савборг Даниел. Страсть и колдовство в древнескандинавской литературе. W świat bogów, ludzi i zwierzat, Festschrift для Leszek Slupecki, ред. Якуб Моравец и др., Жешув, 2022. 464p. p. 177-201 [последний проект]

13. Серебренников В.Н. Народные заговоры, записанные в Оханском уезде, Пермской губернии. Пермь, 1918. Государств. Тип. №7.—28с.

14.Срезневский В.И. Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академия наук в Олнецком крае. СПб., Тип. Имп. Акад. наук, 1913. - XXVIII, —688 с.

15.Топорков А. Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV-XIX вв. М.: Индрик .2005. —480 с.

16. Хаббс Д. Мать-Россия: женский миф в русской культуре (перевод на японском языке) . Переводчик Токуаки Баннаи. Сэйдося, 2000. —с. 384.

17. Ямагути Р. Жизнь м смерть в русских любовных заговорах // Фольклорный текст в современном культурном контексте: традиция и ее переосмысление. Сборник статей по материалам международной научной конференции. Орел .: Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева . 2016. С. 18-23.

18.Черных П.Я. Тесный. Историко-этимологический словарь современного русского языка : [В 2 т.] / П. Я. Черных. - [3-е изд., стер.]. - М. : Изд. «Русский язык», 1999. / Т. 1. : Пантомима. – 624 с.; Т. 2: Панцирь-Ящур. – 560 с. С.240-241.

References

1. Baiburin A.K. Melancholy and fear in the context of funeral ritual // Proceedings of the Faculty of Ethnology. St. Petersburg, 2001. Issue 1. — 343 p. P. 96-115.

2. Baiburin A.K. Ritual redistribution of the share among Russians // The fate of traditional culture. St. Petersburg: RIII, 1998. P.78-82.

3. Chernykh P.Y. Tight. Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: [In 2 volumes] / P. Y. Chernykh. - [3rd ed., ster.]. - M. : Ed. "Russian language", 1999. / T. 1. : Pantomime. - 624 p. ; T. 2: Pantsir-Yashchur. - 560 p. P.240-241.

4.. History and culture of Syamozerye. Ed. C P. Orfinsky, I. E. Grishina, A. P. Konkka, I. I. Mouponen, V. D. Ryagoev. Petrozavodsk. 2008. P.7. —816p.

5. Hubbs J. Mather Russia: the feminine myth in Russian culture. Japanese translation by Tokuaki Bannnai . 2000. —384 p.

6. Karabulatova I.S., Bondarets E.A. The spells : a proper name in the sacred discourse of the healer's practice. Tyumen. 2005. —368 c.

7. Konkka U. Poetry of sadness. Karelian ritual cries. Petrozavodsk. Russian Academy of Sciences Karelian Scientific Center Institute of Language, Literature and History. 1992. —296 p.

8. Konkka U. Tuonela's poetry of sadness (translation of "Poetry of Sadness" in Japanese). Translator Yamaguchi R. Gunzosya, 2014. Vol.1. —180p.

9.. Levkievskaya E. E. Vampire / Slavic mythology. Encyclopedic dictionary. Moscow. 2011. P.60. —512p.

10.Pashkov A. Karelian educators and local historians of the XIX - early XX century. Petrozavodsk. 2010. —446 c.

11.Russian people: His customs, rituals, legends, superstitions and poetry//d. M.Zabuilin. Book.1. : Parts 1,2. M., 1996. —320 p.

12. Russian wedding: In 2 volumes. Vol 1 / Edited by A. S.Kargin . Compilers A. C Kulagina, A. N. Ivanov. M.: State Republican Centre of Russian Folklore, 2000. —p. 512.

13 SÄVBORG DANIEL. Passion and Witchcraft in Old Norse Literature.W swiecie bogów, ludzi i zwierzat, Festschrift for Leszek Slupecki, ed. Jakub Morawiec et al., Rzeszów, 2022.— 464p. P. 177-201 [last draft]

14. SÄVBORG DANIEL. The Woman Causes Me Grief’ //Germanisches Altertum und Europäisches Mittelalter. Gedenkband für Heinrich Beck. 2023.-559p. P. 375-392

15. Serebrennikov V.N. Folk spells recorded in the Okhansky district, Perm province. Perm, 1918. №7. —28p.

16. Sreznevsky V.I. Description of manuscripts and books collected for the imp. Academy of Sciences in Olnetsky Krai. St. Petersburg, 1913.- XXVIII, -688 p.

17. Toporkov A. L. The spells in Russian manuscripts traditions of 15th–19th centuries. Moscow, 2005. —480 p.

18. Yamaguchi R. Life and death in Russian love charms // Folklore text in the modern cultural context: tradition and its rethinking. Collection of articles based on the materials of the international scientific conference. Orel.: Orel State University named after I.S. Turgenev. 2016. P.18-23.

FORBIDDEN MARRIAGE AND LOVE DISEASE

YAMAGUCHI RYOKO

PhD in Philology,
Lecturer,
Faculty of global and regional studies, Doshisha University,
Kyoto, Japan, cjv52910@icloud.com

Keywords:
Ivan Turgenev
love disease
melancholy
sagas
Tristan and Isolde

Summary:
The paper explores the impact of European troubadour poetry and the epic tale of Tristan and Isolde on Ivan Turgenev's short novel The Song of Triumphant Love (1881). Through an analysis of the protagonist's love, it is concluded that the author employs the folklore concept of "love melancholy" within the context of forbidden marriage. The description of love sickness follows the pattern of various sagas of skaldic poetry, while desire, ignited by evil magic, and the portrayal of true love in European court poetry are combined in this literary work with erotic suffering.